

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

БОРИС ДОКТОРОВ,

*доктор философских наук, профессор, неза-
висимый исследователь (США)*

Юрий Левада. Портрет для потомков В связи с выходом книги воспоминаний о Ю.А.Леваде

**Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче
Леваде** / [сост. Т.В.Левада]. — Москва : Издатель Кар-
пов Е.В., 2010. — 471 с. : ил.

В этом году Юрию Александровичу Леваде (1930–2006) исполнилось бы 80 лет, он не дожил до этого юбилея три года. За прошедшее время появилась достаточно обширная литература о его жизни и творчестве, как мемуарного, так и аналитического характера. Оставляю в стороне некрологи, написанные в траурные дни, хотя в них было многое сказано о нем как человеке и ученом. К тому же ряд положений, высказанных в этих кратких, спонтанно возникших записках, позже были развиты и аргументированы их авторами.

Серией материалов, собранных в двух первых выпусках “Социологического журнала” за 2008 год, положено начало созданию объемного портрета Левады. В первом выпуске опубликовано интервью, данное им Д.Шалину в начале февраля 1990 года в Бостоне, и тщательный комментарий этой беседы, выполненный Шалиным. В следующем номере журнала подборка текстов о Леваде открывает историю-аналитической статьей Б.Докторова и включает воспоминания А.Алексева, И.Кона, А.Левинсона, А.Назимовой и В.Шейниса, Б.Фирсова, В.Ядова. Примерно в то же время вышли мемуары Т.Заславской и И.Кона, в которых есть страницы, ответственные воспоминаниям о Леваде.

Весьма интересны и содержательны интервью, проведенные накануне 80-летия Левады московским социологом и журналистом Любовью Борусяк. Это серия бесед, записанных на видео и размещенных на популярном сетевом портале “Полит.Ру” в цикле “Взрослые люди”. О Леваде рассказали: О.Генисаретский, А.Гофман, Л.Гудков, Б.Дубин, В.Долгий-Раппопорт, Н.Зоркая, И.Кон, А.Левинсон, Т.Шанин, Б.Юдин и В.Ядов.

В мае этого года вышла книга воспоминаний [Воспоминания, 2010¹] о Леваде, составленная и изданная его вдовой, Тамарой Васильевной Левадой. Это обстоятельство во многом определило присутствие в сборнике материалов из архива Левады, широкий подбор авторов текстов и наличие в нем редких фотографий Юрия Александровича. Ряд из перечисленных выше материалов вошли в эту книгу полностью или в сокращенном варианте. Но, естественно, есть много нового. Книжке суждено было стать библиографической редкостью. Очевидно, что ее захотят прочесть не только многие социологи, поллстеры и журналисты, но и представители разных групп интеллигенции, на протяжении двух десятилетий следившие за результатами опросов сначала “старого ВЦИОМа”, а затем — “Левада-Центра”. Но ее тираж — 150 экземпляров; он уже разошелся между друзьями Левады, его коллегами и соавторами книги.

Два фактора объясняют тот факт, что за два года после смерти Левады появилось столь обширная и многожанровая литература о нем. Первый — объективный, пришло время для изучения прошлого советской/российской социологии, постепенно приходит осознание критичности времени, невозможности откладывать “на потом” анализ сделанного первыми поколениями отечественной социологии. Второй фактор — субъективный. Личность и творчество Левады заслуживают всестороннего анализа и представляют интерес для историков современной социологии и, более широко, культуры российского общества второй половины XX века и начала наступившего столетия. Прокомментирую кратко сказанное.

История как наука — дальнзорка и несуетна, те или иные события и процессы становятся ей интересны, только когда их можно расположить в долгий временной ряд и поместить в широкий событийный контекст. Сказанное имеет универсальное значение, в частности это применимо к истории науки и к изучению жизни и творчества тех, кто внес в ее развитие значительный вклад. Но прошлое может быть проанализировано и понято, только если общество уважает и ценит настоящее, если сохраняются предметы, относящиеся к быстро уходящему сегодня, если современники не только хранят в памяти виденное и пережитое, но и документируют все это. Легко заметить: когда человек задавлен государством и бытом, когда главная утренняя забота — дожить до вечера, тогда настоящего не существует. Тем более — будущего, а прошлое превращается в несбыточную мечту. Напротив, общество, пребывающее на подъеме, к примеру, Россия в период “оттепели” и перестройки, находит в себе силы и кураж жить сегодня, думать о будущем и обращаться к своему прошлому.

Российская социология недавно вступила в свое второе пятидесятилетие, срок не столь уж значительный даже в сравнении с продолжительностью жизни человека в современном цивилизованном обществе и совсем “детский” в масштабах развития науки. Однако празднование первого серьезного юбилея российской социологии, состоявшееся в 2008 году, обнаружило множество проблем историко-научоведческого плана; укажу две из них. Во-первых, многое из происшедшего относительно недавно не задокументировано и уже забыто. Во-вторых, интерес к этому прошлому остается невысоким. Причина первой проблемы коренится в специфике становления и развития советской социологии в конце 1950-х — в 1980-х годах, в частности, в неопределенности статуса этой науки и неуверенности ученых относительно ее будущего. Проблема вторая порождена сменой парадигм советской и современной российской социологии и появлением новых поколений социологов, не чувствующих — возможно, даже отрицающих — свое “родство” с теми, кто начал исследования за несколько десятилетий до их профессионального самоопределения.

Один из эффективных путей приобщения людей к науке, культивации интереса к ее прошлому заключается в ознакомлении их с биографиями и творческим наследием тех, кем эта наука создавалась. Еще десять лет назад этот канал формирования

¹ Далее ссылки на это издание приводятся с указанием страниц в скобках.

профессионального сознания и цементирования межпоколенных связей в российском социологическом сообществе начисто отсутствовал, сейчас ситуация меняется к лучшему. С одной стороны, постепенно накапливается банк биографий — это интервью с действующими социологами и их небольшие автобиографические заметки, эссе; с другой — появляются мемуары социологов “первого призыва” и воспоминания о тех, кого в последние годы не стало.

Если говорить об источниках первого рода, то это прежде всего книга о российских социологах, выпущенная под редакцией Г. Батыгина [Российская социология, 1999], серия публикаций в “Социологическом журнале” и издании Петербургского государственного университета “Журнал социологии и социальной антропологии”. В последние годы одним из важнейших источников биографий российских социологов стал “Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований”. Рубрика “Современная история российской социологии” появилась в нем в выпуске № 4 за 2004 год, и с тех пор все номера журнала (шесть раз в году) содержали материалы на эту тему. К этой же группе биографических источников относится и сайт российско-американского проекта “Международная биографическая инициатива” [Международная...]. На нем расположено большинство биографий, опубликованных в перечисленных выше журналах, и другая историко-биографическая информация.

Социолого-мемуарная литература появилась лишь в самые последние годы. Отмечу здесь воспоминания Т. Заславской, И. Кона, С. Кугеля, тюменского социолога А. Силина, Н. Руткевича, книгу к 80-летию В. Ядова, сборник памяти Л. Когана. Возможно, существуют сетевые варианты мемуаров, мне известны лишь воспоминания Э. Соколова [Соколов (Интернет-ресурс)]. Имеет смысл также сказать о работах более общего характера, в которых их авторы-социологи отводят значительное место автобиографическим сюжетам. Назову книги А. Готлиб о качественном социологическом исследовании [Готлиб, 2004], Б. Фирсова о разномыслии в СССР [Фирсов, 2003], В. Шляпентоха о страхе и дружбе в советском обществе [Шляпентох, 2003].

Именно к этому кругу источников историко-биографической направленности и относится книга воспоминаний о Юрии Александровиче Леваде. Всех авторов материалов, включенных в нее, можно разделить на четыре группы.

Первую группу образует один человек — Юрий Левада. Совсем немного материалов. Два биографических интервью: одно — упомянутое выше, другое — опубликованное в журнале “Прямые инвестиции” (2005, № 6) и содержащее ряд воспоминаний о его детстве и студенческих годах. Третий материал — эссе Левады о том, что было написано в его культурологической заметке урбанистического характера (“Знание — сила”, 1977) и о чем он не смог написать. В те годы Левада был опальным, и лишь вмешательство секретаря ЦК КПСС М. Зимянина, как-то узнавшего о проблемах журнала, дало ему “зеленый свет”. Завершает сборник статья Левады (“Неприкосновенный запас”, 2001, № 5) с его видением общественного мнения на рубеже XX–XXI веков. Вошло в сборник и уже публиковавшееся выступление Левады [Российская социология, 1999: с. 485–491] на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС, состоявшееся 24 ноября 1969 года. Это его возражения критикам его “Лекций” по социологии.

Отйду от строгих историко-социологических тем и коснусь литературно-социологического юмора, тоже части истории. В интервью В. Ядова, данном Л. Борусяк, он сказал, имея в виду один из семинаров на эстонском хуторе Кэярику: “Короче говоря, туда приезжал Губерман. Губерман в социологии ни черта не понимал, но он веселый человек, шутник, у него великолепный юмор. И Губерман сочинил там такие стихи, к сожалению, я помню только их конец: “И на растоптанных левадах пасутся жирные слоны” [Интервью с Ядовым]. А в воспоминаниях Л. Столовича отмечено, что во время начавшегося погрома нарождавшейся отечественной социологии Наум Коржавин писал: “И на растоптанных Левадах пасутся жирные ослы” [Столович, 2009: с. 334]. В одном из недавних писем Столович отметил, что он сам слышал

от Коржавина этот текст, но запомнил только данную строчку. В семейном архиве Левады этот стих сохранился и включен в обсуждаемый сборник (с. 125)]; он посвящен “тов. Ягодкину”, тому самому секретарю парткома МГУ, который стоял за шельмованием книги Левады:

Социология на спаде:
Побиты волки о орлы.
И на растоптанной Леваде
Пасутся весело ослы.

И все вокруг для них красиво.
Чиста, свежа, сладка еда.
И я б уехал из России
Навек — но только вот куда?

А никуда! Хоть жизни гаже
Нигде я больше не нашел,
Терплю. И кажется мне даже,
Что я и сам теперь осел.

Н.Коржавин

22 января 1974 г.
(48 лет без Ленина)

Вторая группа авторов сборника — это вдова Левады, познакомившаяся с ним в 1947 году на первом курсе философского факультета МГУ и полвека бывшая его женой, и его сын от первого брака В.Русинов. По моему мнению, сказанное ими непременно будет учитываться в попытках постижения глубин внутреннего мира Левады. Т.Левада вспоминает слова ее отца, сказанные после знакомства с ее будущим мужем: “Если решишь выйти за него, тебе, скорее всего, придется туго. Ведь главное — не помешать ему. Не следует ему мешать ни при каких обстоятельствах” (с. 55). И далее: “Со мной установились у него теплые отношения, чуть насмешливые с его стороны, похожие на те первоначальные, студенческие. Я же все 50 лет старалась не помешать ему и блисти дом. Это была единственная, доступная мне форма поддержки мужа. Свою работу, круг своих сотрудников он отгородил от меня твердо, раз и навсегда” (с. 56). Сложными были и отношения Левады с его сыном. В.Русинов описывает, с каким интересом он обсуждал с отцом происходившее в стране, говорит о его внимании к внукам. Вместе с тем он вспоминает о долгих паузах в их регулярных воскресных телефонных разговорах и объясняет их отсутствием общения с отцом в детстве, то есть отсутствием общей памяти. На вопросы сына о его работе, о делах Центра Левада всегда отвечал односложно, показывая, что это не тема для их обсуждения. И грустно завершается этот рассказ: “Я так и не спросил его о чем-то самом важном, так и не назвал при жизни отца, теперь этого уже не сделать” (с. 227).

Третья группа — школьный друг и несколько человек, учившихся с Левадой на философском факультете МГУ. Все это ценная информация для понимания процесса формирования его личности, гражданской позиции, отношения к себе и окружающим. Жанр и цели этой заметки освобождают меня от углубленного анализа этого процесса, но некоторые факты из воспоминаний людей, наблюдавших Леваду в детстве—юности—ранней молодости, считаю необходимым привести.

Левада родился и за исключением нескольких лет, проведенных в эвакуации в Тюмени, до поступления в МГУ жил в Виннице. Его дед, происходивший из семьи выкрестов, был медиком и фармацевтом, высоко образованным человеком, в молодости он состоял в боевом крыле “Народной воли”. Известен как один из создателей Винницкого медицинского института в 1935 году. В 1936–1937 его заподозрили в шпионаже в пользу Японии, пришли арестовывать. Но дед был болен раком, и ему дали умереть дома. Похороны прошли тихо, негласно. Бабушка принадлежала к ста-

рому польско-литовскому графскому роду Сангелло. В те времена об этом лучше было помалкивать. В семье говорили по-русски, по-украински и по-польски.

Мать Левады была волевой, образованной женщиной, журналисткой. Отцом, усыновившим Леваду, был Александр Степанович Левада, ставший известным украинским писателем. После войны он не вернулся в эту семью. Т. Левада вспоминает, как она столкнулась с “жесткой, даже чересчур жесткой Юриной бескомпромиссностью”. Тогда они только поженились, и без предупреждения приехал Александр Степанович. “Юра как сидел за работой спиной к вошедшему, так и не повернулся, не поздоровался. Тот вручил мне презент и поспешил проститься. Юра не шелохнулся. А ведь любил батьку. Искал в магазинах и покупал его сочинения. Переживал, когда тот оказывался в зоне Чернобыльской аварии. Но не прости!” (с. 56).

Родным отцом Левады был профессор ленинградского Педагогического института им. М. Покровского (а позже — Педагогического института имени А. И. Герцена) Моисей Александрович Коган, историк-медиевист, одно время — декан исторического факультета. По воспоминаниям И. Кона и А. Гофмана, он был эрудированным человеком, знавшим много языков и пользовавшимся большим уважением студентов. Ю. Левада был очень похож на отца. С отцом Левада общался крайне редко и не рассказывал о нем ни в семье, ни друзьям.

Все приведенное позволяет согласиться со словами Т. Левады: “...эта генеалогия, а главное, отношение к ней ближайшего окружения, во многом объясняли Юрин характер, в том числе и жесткую его бескомпромиссность” (с. 58).

В школе Левада всегда был лучшим учеником, отличником и стал золотым медалистом. Рано вступил в комсомол, ездил с лекциями по деревням, хотя в районе оставались бандеровцы. С друзьями выпустил несколько номеров нелегальной стенной газеты “ИКС”, ее запретили, но чудом не узнали, кто ее издавал.

На курсе, на котором с ним училось несколько ярких студентов, позже ставших известными учеными, Левада был “звездой”; он был самым младшим по возрасту, многие студенты прошли через войну, были членами партии. Еще до поступления в университет он многое прочел и всегда прекрасно учился, его выступления на семинарах отличались аналитичностью и знанием предмета. Его сотрудничество с областной газетой началось еще в школьные годы — там работала его мать. В университете он был избран редактором курсовой газеты. Годы его студенчества — 1947–1952 — не лучшие для философии и личностного становления: страх, доношительство, подозрительность, аресты. Левада уже тогда отличался мужеством, разумностью, честностью по отношению к товарищам. Закономерно, что несколько позже друзья Левады и сотрудники Института конкретных социальных исследований АН СССР, да и не только, называли его между собою “Большая добрая Левада”. Ему доверяли. Когда один из его друзей сообщил ему, что в школе выпускал нелегальную газету, Левада серьезно ответил ему, что об этом никому говорить не надо. Другой вспомнил, что ночью 1949 года его арестовали, а его жену — однокурсницу выставили из общежития с чемоданом и узлами. На телефонный звонок откликнулись лишь Левада и его друг. Они приехали, устроили девушку у однокурсницы. Во всю разгоралась борьба с “безродными космополитами”. Обвинили в космополитизме и Леваду, у него в общежитии над кроватью обнаружили портреты двух евреев-философов: Маркса и Спинозы. Туча прошла мимо: первый был изъят из обвинения, а одного второго оказалось мало для наказания.

Но, безусловно, самая многочисленная группа участников сборника — это социологи Москвы и Петербурга, в разное время работавшие с Левадой, посещавшие его семинар или просто общавшиеся с ним. Невозможно даже перечислить, назвать то множество сюжетов из жизни Левады, его поступков, высказываний, которые остались в памяти всех этих людей, самих много в жизни повидавших и размышлявших о прожитом. Приведу лишь ряд обобщенных оценочных суждений о нем, на мой взгляд, дающих представление о Леваде как ученом, гражданине и личности.

Поскольку часто такие высказывания многоаспектны, нет оснований для их строгой классификации.

Н.Латин: “Юрий Александрович сам создал для себя этот гражданский, научный, нравственный пост “дежурного по России” аналитика и оставался на этом посту до последней минуты жизни. Он не был участником военных сражений и вообще был против войн, но он совершил поистине ратный гражданский подвиг” (с. 86).

А.Гофман: “Своим научным творчеством, своей организационной деятельностью, своей личностью, всей своей жизнью Левада доказал, что и в условиях тоталитарного и авторитарного обществ можно быть выдающимся ученым, честным, порядочным и свободным человеком” (с. 100–101).

Б.Фирсов: “Он относился к числу людей, твердо усвоивших на примерах идеологической войны, которую в 1950-е годы вела партия против космополитов и антипатриотов, “засевших” в различных сферах литературы, искусства, культуры, науки, что раскаяние мало кому помогает, не говоря уже о том, что “кающийся грешник” только ухудшает и дело, и собственное положение” (с. 265).

А.Вишневский: “И все же истинный масштаб Левады определяется не тем, что он умел профессионально улавливать рокот народного океана, а тем, как много открывалось ему в этом рокоте...” (с. 126).

Б.Докторов: “В Леваде не было мессианства, и он не рассматривал себя в качестве миссионера — в действительности он таковым был. Прежде всего это было следствием его умения видеть происходившее в стране и внятно говорить об этом. К его высказываниям прислушивались политики, политологи и наиболее социально активные группы населения” (с. 275).

И.Кон: “Жизнь Юрия Левады — не только интеллектуальный, но и нравственный пример. Ученые нашего поколения не могли активно сопротивляться власти, все находилось в руках государства, несогласный мог только уйти, в крайнем случае — хлопнув дверью. У Юры такой опыт был” (с. 218).

В.Шляпентох: “И его мужество опять оказалось важным для общества, когда ВЦИОМ у него отобрали и многие, до того как была создана новая фирма — “Левада-центр”, стали опять опасаться за его будущее. Но, по-моему, самый яркий период в жизни Левады относится к тому ужасному времени, в котором он так мужественно выстоял” (с. 139).

А.Алексеев: “Скажу, по крайней мере, о том, что для меня особенно дорого и значимо в Ю.А.Леваде-человеке (про науку сейчас не говорю). А это как раз то, что он и сам <...> вполне про себя знал, — его замечательная способность к естественному поведению в противоестественных условиях” (с. 87).

А.Назимова, В.Шейнис: “Он жил в своей стране и в свое время. Умный и все понимающий человек, он знал общество, в котором жил. Не поддавался иллюзиям, но и не приспособлялся к унижительным обстоятельствам жизни большинства наших академических учреждений. Писал и говорил то, что думал, и никогда не позволял себе утверждать то, во что не верил” (с. 151).

Д.Шалин: “Левада — человек общественный — *par excellence*. Его частная жизнь — вне поля зрения. Что меня удивило в многочисленных сообщениях о смерти Левады, — это отсутствие каких-либо сведений о его частной жизни” (с. 305).

Л.Гудков: “После смерти Ю.А.Левада был почти единодушно признан “безусловным моральным авторитетом” и наиболее ярким или даже самым крупным ученым в российской социологии. Однако работы Левады, как и прежде, остаются мало известными” (с. 367).

Т.Заславская: “Обладая необыкновенным талантом, Юрий Александрович в труднейших условиях сумел сформировать собственную научную школу, и я рада, что работа во ВЦИОМ дала новый толчок ее развитию” (с. 211).

А.Здравомыслов: “На наш взгляд, наиболее существенный вклад в разработку вопросов социологической теории представляют собой публикации Ю.А.Левады.

Сейчас можно сказать, что его публикации в “Мониторинге” задают стандарт теоретического мышления российским социологам и, возможно, социологам всего постсоветского пространства (по крайней мере в рамках сайентистской артикуляции социологического знания)” (с. 439).

В.Ядов: “Я сам трудоголик и умею отдыхать лишь в период отпуска на эстонском хуторе. Юрий вообще не был способен к свободному времяпровождению. В субботу и воскресенье в любое время до полуночи (позже я его не беспокоил) он через пару секунд отвечал на телефонный звонок: “Привет, старик, как дела?” Заметьте — не как себя чувствуешь, а как работается” (с. 230).

А.Левинсон: “Он работал всегда. Он не переставал работать в периоды, когда на него давили. Он не переставал работать, когда судьба лишила его самых близких. Он не перестал работать в болезнях. Он не был трудоголиком и не убегал в работу от жизни. Работа была условием жизни. И условием смерти. Все знают, что он встретил кончину за своим рабочим столом, и не один я думаю, что он сам продиктовал смерти эти условия” (с. 183).

Т.Шанин: “Без Юры стало в Москве холодно и хуже” (с. 212).

Составители сборника поступили по-человечески правильно и в научном плане обоснованно, включив в него небольшую статью украинского социолога *Е.Головахи*. Левада родился в Украине, знал и любил украинскую культуру и язык и после перестройки старался участвовать в научной и общественной жизни этой страны. По мнению Головахи, в сознании мыслящей части украинской интеллигенции Левада олицетворял все лучшее, что есть в российской общественной жизни, и для них его смерть стала не меньшей потерей, чем для россиян, сумевших сохранить свободу мысли и независимость от власти. И далее он отмечает: “... всем нам — и в России, и в Украине, — крайне необходимо понять удивительный феномен жизни и личности Юрия Левады, с именем которого связаны, возможно, две самые драматические и героические страницы в истории “застойной” советской и современной российской социологии; человеческие качества которого не могли не восхищать людей, способных ценить мужество, благородство и преданность науке, а способность быть лидером и организатором работы научной школы была по-своему уникальной” (с. 253).

Представляется, что все эти суждения не просто характеризуют с разных сторон Леваду, но одновременно формируют каркас, систему координат для будущего изучения его ценностной структуры и его научного наследия. Если же говорить о содержании всех текстов, включенных в сборник, то в совокупности они прослеживают всю его жизненную траекторию: с раннего детства до — буквально — последних минут жизни. Они позволяют заглянуть в его предбиографию (генеалогия, родительская семья), ознакомиться с биографией (школа, университет, исследовательская и общественно-политическая деятельность, собственная семья) и заглянуть в постбиографию. Другими словами, задуматься о судьбе его творческого наследия.

Мне приходилось писать ранее о такой редкой стороне научного творчества Левады, как биографичность, то есть о присутствии в его социолого-культурологических работах последних лет рефлексий по поводу увиденного и пережитого им. Тексты обсуждаемой книги, во всяком случае, для меня, усиливают этот вывод, ибо видно, как в Леваде формировались личные и профессиональные качества и как продуманное укладывалось в его собственную, можно сказать — уникальную, картину мира. В произведениях прозаиков, тем более — поэтов и композиторов, биографичность считается нормой, социальным исследователям отказывают в ней, говоря, что биографичность противоречит объективности. Левада как методолог, социолог и культуролог, прошедший через все слои философии и понимавший природу научного творчества, осознавал, что такая степень погруженности в события, которые он наблюдал, автоматически включает в проводимый им анализ прожитое и продуманное. Очевидно, он не писал об этом прямо в своих текстах, но и освободиться от этих впечатлений и размышлений он не мог. И не стремился. Они явно присутствуют в его

многочисленных статьях и выступлениях постперестроечного времени. Следовательно, изучение научного наследия Левады позволит лучше понять и его личность.

Можно согласиться с А.Левинсоном: Левада сам продиктовал смерти время прихода; оказывается, с точностью до дня. Книга открывается беглым фломастерным рисунком, который оставил Ю.Левада на столе, уходя на работу в свой последний день жизни. Это — ангел. Таким увидела это изображение Тамара Васильевна при первом взгляде. Но когда ей позвонили с работы и сказали, что Юрия Александровича больше нет, она — так случилось — развернула лист и увидела там ангела в ином ракурсе. Он плакал. Этот скорбящий ангел размещен на последней странице книги.

Поясню, почему настоящие заметки озаглавлены “Портрет для потомков”. Один пласт аргументов сводится к тому, что рассматриваемый сборник содержит богатейшую фактологическую информацию о Леваде и о среде, в том числе — коммуникационной, в которой протекали его жизнь и деятельность. Таким образом, сегодня и в будущем социальные исследователи могут познакомиться с человеком, внесшим значимый вклад в различные области социальной науки и много сделавшим для раскрытия сути социальной жизни России и сознания россиян в период перехода от тоталитарного общества к обществу, базирующемуся на более демократических принципах. Другой пласт объяснений акцентирует внимание читателей на вызовах частного и общего характера, произрастающих из содержания материалов сборника. Первые — акцентируют необходимость продолжения историко-биографических поисков, фокусированных именно на прочтении, раскрытии, раскодировании “феномена Левады”. Вторые — указывают на важность рассмотрения творческой биографии Левады как представителя первого поколения советских/российских социологов. Эту когорту легко обозначить: имена практически всех их названы в сборнике, и многие являются соавторами книги. В целом масштаб исследовательской деятельности Левады и его роль в обществе и в профессиональном сообществе дают возможность для будущих историков российской социологии широкое поле деятельности как собственно биографической направленности, так и в плане общих проблем социологии социологии, включая вопросы соотношения науки и морали, общественного и личного.

Еще в 2007 году я опубликовал статью (с некоторыми сокращениями она вошла в рассматриваемый сборник), в которой для характеристики отношения Левады к своему делу и к себе я обратился к рассказу-притче Хемингуэя о старике и море [Докторов, 2007]. Приведу здесь этот фрагмент, не только потому, что и сейчас считаю обоснованной эту метафору, но и потому, что Тамара Васильевна, завершая рассказ о муже, пишет: “Сам Старик в эти годы преодолел почти 20-летнюю полосу отчуждения от своего дела” и “Но Старик оставался все тем же удивительным человеком” (с. 73). Да и вообще в обыденном лексиконе Левады всегда сохранялось шестидесятилетнее “старик”.

Одна из ключевых, стержневых тем произведения Хемингуэя передана в словах старика, обращенных к мальчику: “Твой не любит уходить слишком далеко от берега”. Речь идет о хозяине лодки, на которой работает мальчик. Сам старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою.

Любая притча с вечными героями — море и человек — имеет множество смыслов, интерпретаций. Я вижу в ней и рассказ о жизни Левады. Старик — это он. Море — это то бесконечно широкое семантическое пространство, в котором Левада рассматривал, анализировал стоявшие перед ним исследовательские проблемы. Огромная рыба — это собирательный образ тех объектов, которые интересовали его как философа, культуролога, социолога и полстера.

Зацепив огромную рыбину, старик думает: “Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом... И некому помочь ни ей, ни мне”. Такова же и судьба Левады. Он всегда задумывался о крупных теоретических и нравственных

проблемах, и он отчетливо понимал, что в поисках их решений ему придется далеко уходить от берега и мелей туда, где он всегда будет один. Творчество без одиночества невозможно. Но как старик, видя облака, море и стаю диких уток, понимал, что “человек в море никогда не бывает одинок”, так и Левада не чувствовал одиночества даже в долгие годы молчания. И дело не в семинаре, собиравшемся вокруг него, дело в нем самом. Он постоянно размышлял о социальной реальности и непрерывно думал о ее конструкции. Он не прерывал своего общения с многими учеными прошлого, задумывавшимися о “природе вещей”, об устройстве тех участков социального мироздания, которые интересовали его. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима.

Иногда старика посещала мысль о том, что, может, не нужно было ему становиться рыбаком. Но при этом он знал, что для того он и родился, и был уверен, что где-то рядом находится его большая рыба. Старик говорил себе: “Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов”. Думаю, что Левада исходил из того, что он родился, чтобы исследовать общество, человека, и он оказался готовым к тому счастью, которое пришло к нему в конце 1980-х: ВЦИОМу с его огромными возможностями для мониторинга крупных социальных трансформаций. Он всегда работал с интересом, со страстью.

На церемонии прощания с Юрием Александровичем Левадой профессор В.Ядов сказал: “Юрий Александрович Левада никогда не был в отпуске, никогда не отдыхал. Я ему звоню: “Ты поедешь куда-нибудь отдыхать?” Он отвечает: “Нет”. Теперь, Юра, ты отдохнешь. Ты никому ничего не остался должен” [Демина, 2006]. Душа Левады всегда стремилась работать, он не мог лишиться себя радости каждодневного познания нового, его погоня за “рыбой” не прекращалась.

Старик, измотанный борьбой с морским гигантом и потом — со стаей акул, говорил себе: “Рыба... я с тобой не расстанусь, пока не умру”. Он не смог довести выловленную рыбину до берега, но высшая правда была на его стороне: “Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя... — Никто, — ответил он. — Просто я слишком далеко ушел в море”.

Литература

Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. — М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.

Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Изд-во “Универс-группа”, 2004.

Демина Н. Прощание с Левадой. 20 ноября, 2006. —

<<http://nataly-demina.livejournal.com/100213.html#cutid1>>

Докторов Б. Жизнь в поисках “настоящей правды”. Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. — 2007. — № 6. — С. 67–82.

Интервью с В. Ядовым. — <<http://www.polit.ru/analytics/2010/04/28/levada.html>>.

Международная биографическая инициатива. —

<<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. — СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

Соколов Э.В. В миру и наедине с собой. —

<http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/memory.shtml>.

Столочич Л.Н. Евреи шутят. — Тарту; СПб., 2009.

Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. — СПб.: ЕУ в СПб, 2003..

Цикл “Взрослые люди” <<http://www.polit.ru/story/vzr.html>>.

Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. — СПб.: Изд-во журнала “Звезда”, 2003.